

На перемене ко мне подошел Колька Рябов.

- Слушай, - сказал он, - давай запишемся в школу танцев. В клубе железнодорожников открывается школа танцев. Я все узнал. Плата - двадцать рублей. Ходить два раза в неделю, по вечерам, в программе фокстрот, танго, медленный вальс и румба. Ведет артист драматического театра Сероглазов. А что нам? Подумаешь! Все равно проболтаемся в общепитии.

- Так-то оно так... Да как-то чудно... Да и не научимся.

- Вечно ты со своими раздумьями! Насчет того, что научимся, - гарантия. Понимаешь, написано в объявлении - гарантия. Обязательно к концу школы будем уметь. Всего два месяца через день. А лучше, что ли, на каждом вечере мы стоим, как оболтусы, у стены, в то время как все танцуют с девчонками?

О, это было не лучше! Стоя у стены на каком-нибудь техникумовском вечере, я отдал бы не то что двадцать рублей... Чего бы я только не отдал, чтобы вдруг, как в сказке, снизошло на меня умение танцевать и я смело подошел бы и пригласил бы, а она положила бы руку на мое плечо!.. Дальше этого не смела забегать моя самая распаленная фантазия. А между тем я стоял обыкновенно у стены среди таких же, как и я, нетанцующих оболтусов. Мы старались показать, что нам весело, разговаривали громче, чем нужно, шутили плоско и невпопад, и все это делалось напрасно. Потому что нам только казалось, что все на нас смотрят, на самом деле все танцевали, и никто не обращал на нас никакого внимания.

Все время стараешься независимо, но на самом деле глупо, улыбаться, так что к концу вечера даже болят мышцы лица, - и уносишь в конце концов неприятное, досадное чувство отверженности и неполноценности.

Колька Рябов был, значит, не то самолюбивее, не то решительнее, не то деловитее меня. Мне самому и в голову не пришло бы идти в школу танцев с городской клуб железнодорожников. Не приснилось даже бы и во сне.

Кассирша приняла у нас деньги, выписала квитанции и сказала, что нужно приходиться в четверг к семи часам вечера. В хороших, по возможности, костюмах, в приличных туфлях, побритыми и «при галстуках». Насчет бритья она беспокоилась зря. Помнится, я еще не брился.

Надо заметить, впрочем, что ростом и сложением я выглядел постарше своих лет, это мне говорили все, да я и сам знал об этом.

В назначенный день мы, едва дождавшись вечера, начистили гуталином наши ботинки, обстригли ножницами мохоньшки на краях широченных (последнее слово предвоенной моды) брюк. Завязали галстуки, как полагается, широкими разляпистыми узлами и ровно в семь часов переступили порог клуба железнодорожников, пройдя между толстенными желтыми колоннами.

Раньше тут было Дворянское собрание. В его бальном зале воощеный паркет, зеркала от пола до потолка, настенные подсвечники между зеркалами, лепные украшения на потолке, все более причудливые к середине потолка к тому месту, от которого свисала огромная, дрожащая прозрачными стеклышками люстра.

После нашего студенческого общежития, после наших слесарных и токарных мастерских, после того, что мы считали роскошным обшарпанный, весь в рыжих потеках зал кинотеатра «Художественный», большой зал Дворянского собрания показался мне сказочным. Я и представить себе не мог, что существуют такие блестящие залы, что можно смело ходить по таким блестящим полам, смотреться в такие зеркала, любоваться такими люстрами! А тяжелые занавеси на окнах, а двери от пола до потолка, а стеклянные зеленые ручки у дверей!

В этом-то зале нам и предстояло обучаться фокстротам и румбам.

Словно на тонкий ледок, ступил я в первый раз на вошенный паркет, прошел сторонкой в дальний угол (там как будто было потемнее) да и встал, чтобы никому не мешать. И все собравшиеся – по уголкам да по стеночке, оставляя свободной просторную середину зала.

Драматический актер Сероглазов, длинный, гибкий, вполне владеющий каждым своим движением (не то что мы, чурбаны), как раз вышел на эту свободную просторную середину. На нем ладно сидел светло-шоколадный костюм. Он ловко повернулся во все стороны, оглядел нас и весело хлопнул в ладоши.

– Итак, приступим. Сейчас я расставляю вас каждого на свое место. Прошу вас запомнить его, и по моему хлопку в начале занятий (вот так) становиться, куда положено.

Тут наш маэстро чуть ли не за руки развел каждого из нас, и получилось, что мы стоим двумя шеренгами у длинных стен зала, лицом друг к другу. В одной шеренге – мужчины, в другой шеренге – женщины. Все обширное пространство по-прежнему пустовало, только маэстро в светло-шоколадном костюме расхаживал по нему слегка пружинящей походкой и как-то очень уж ловко, очень уж незаметно поворачиваясь то в нашу, мужскую, сторону, то наоборот.

– Сообщаю вам новость, – говорил между тем маэстро, – вы не умеете не только танцевать, вы не умеете просто ходить. Показываю, как вы обычно ходите.

Подтянутый и собранный маэстро вдруг расслабился. Плечи его опустились и размякли. Спина ссутулилась. Руки удлинились и повисли чуть ли не ниже колен. Передвигая ноги невпопад с движениями рук, он карикатурно прошел вдоль зала. Искусному актеру нетрудно было шаржировать нашу, может быть, и в самом деле неумелую походку. Разве нам кто-нибудь показывал, кто-нибудь когда-нибудь говорил, что ходить нужно по правилам? Стали с четверенек в десятимесячном возрасте, пошли, да так вот и идем, кто шестнадцатый год, кто двадцатый, а кто и больше.

– Вы, конечно, ходите, – продолжал маэстро, – выполняете эту человеческую функцию – ходить на двух ногах. Но можно, кроме того, ходить красиво. Настоящий человек ходит таким образом.

Актер опять собрался, выпрямился (но не напыжился, боже сохрани!) и прошел по паркету так, что... Черт его знает, как он прошел, но это было действительно красиво!

- Значит, сначала мы будем учиться ходить и держать корпус. Красивая походка – основа танца. Сейчас вы положите руки на бедра и под музыку будете делать следующее: левая нога шагает вперед, правое плечо (заметьте, правое!) тоже резко выдвигается вперед. А потом правая нога и левое плечо. Повернитесь в затылок друг к другу. Музыка!..

Мы пошли под музыку, выворачиваясь при каждом шаге, как на шарнирах, то и дело выпадая из ритма музыки.

- Да, да! Это одновременно приучит слушать музыку и каждое свое движение подчинять ей. Свободнее! Изящнее! Больше уверенности. Не вижу пластики. Стоп!

Так мы ходили под музыку два или три занятия. Помню, что и на улице теперь, и в техникуме (длинные коридоры) я старался идти, подслеживая, а где мое левое плечо в то время, как правая нога делает шаг вперед. Помнится, я сразу почувствовал себя чем-то богаче остальных моих однокурсников.

Кроме того, стало тянуть из неудобных казенных комнат общежития в тот совершенно иной мир, где паркет, зеркала, ритмичная музыка, плавные и красивые, тоже ритмичные, движения. Но все еще было впереди.

Однажды маэстро, выстроив нас, как обычно, в две шеренги, лицом друг к другу, торжественно провозгласил:

- Сегодня в вашей учебе великий и знаменательный день. Сегодня каждый из вас выберет себе партнершу. А каждая из вас, соответственно, партнера. Партнеры закрепляются друг за другом до конца обучения. Чтобы не заставлять вас волноваться по столь щепетильному поводу, я скажу вам, что выбор давно состоялся. Сейчас обе шеренги пойдут навстречу друг другу. Виноват, сейчас кавалеры подойдут к линии дам, и каждый возьмет себе ту даму, которая окажется как раз против него. Так как дам и кавалеров поровну, то никто не останется в обиде.

Не помню, как я пошел вперед. Глаза мои забегали, ища, к кому именно я должен двигаться. Но, очевидно, линии стояли не строго друг против друга, произошло легкое смещение линий, произошла маленькая путаница, все замелькало у меня перед глазами ярким разноцветьем, как если бы в калейдоскопе, когда его повернешь и туда и сюда. Потом как-то вдруг все успокоилось и рассеялось.

Я оказался лицом к лицу с женщиной в черном бархатном платье. Да, в первую секунду (ну или там долю секунды) я видел только черное бархатное платье. Не бальное, конечно, так чтобы до полу и шлейф, а обыкновенное платьице с поясочком и белым кружевным воротничком.

Вторая секунда принесла мне смутный сигнал, что женщина некрасива и гораздо старше меня. Где-то вдальке-вдальке, как беззвучная августовская зарница, мелькнула мысль, что я в своей шеренге стоял не очень-то удачно, но радость оттого, что все кончилось, и какой бы там ни был, выбор пал, погасила далекую зарницу. Да и не все ли равно, с кем разучивать танцы! Не навек же! Не детей же, как говорится у нас в деревне, крестить.

Партнерша смотрела на меня (казалось мне, что сверху вниз, а была гораздо ниже меня ростом) и спокойно улыбалась моему смущению.

- Познакомьтесь, - откуда-то, чуть ли не с божественной высоты, из некоего, чуть ли не божественного тумана гремел голос маэстро. - Назовите друг другу имена, протяните друг другу руки.

- Серафима, - сказала женщина.

Я пролепетал свое имя, и мы взялись за руки.

Я думаю, тут нужно прежде всего иметь в виду, что я, шестнадцатилетний юноша, до этого вечера никогда ни под каким предлогом и видом - случайно ли, нарочно ли, в шутку или всерьез - не дотрагивался до женщины.

- Будем изучать основное положение танцующих. Встаньте друг против друга.

Мы и так стояли друг против друга. Но, оказывается, нужно было приблизиться друг к другу вплотную.

- Партнер кладет свою правую руку на спину партнерши примерно там, где кончается лопатка... Прекратить смехи! Кто не хочет учиться дальше, может оставить помещение... Следите, чтобы ладонь прилегала ровно, а локоть не отвисал. Не ерзайте ладонью по спине партнерши. Только во время быстрого, стремительного вальса разрешается опустить ладонь со спины на талию партнерши. Но это вас пока не касается.

Партнерша кладет свою левую руку на плечо партнеру. Правая ее рука находится в левой руке партнера. Не отставляйте руки далеко от себя. Заденете за чей-нибудь нос. А это неприлично. Во время танца смотреть нужно на партнершу, на ее лицо. Обязательно разговаривать с ней, улыбаться. Стыд и срам отворачиваться от партнерши. Еще стыднее смотреть на свои танцующие ноги. Простите, я хотел сказать, на свои вяло передвигающиеся ноги.

Маэстро, нарочно шаржируя, показал нам, как не нужно ерзать ладонью по спине, как не нужно отворачиваться от дамы во время танца, как не нужно смотреть под ноги. Все это было очень смешно, и я, пока смеялся, немного справился со своим смущением. Помогла, конечно, и Серафима.

Ей, как я потом узнал, шел двадцать седьмой год. Работала она медсестрой. У нее были темные густые волосы, когда-то завитые на шесть месяцев. Но, значит, кончился шестимесячный срок: мелкие барашки и колечки распрямились, и волосы были теперь не курчавы, а в меру волнисты. Брови подняты как бы в неожиданном удивлении. Губы пухлые и добрые от всегда таящейся в них легкой усмешки.

Если мне лицо моей партнерши показалось при первой встрече некрасивым, то, наверно, виной этому были прежде всего глаза. Они были явно мелковаты для крупного, широкого лица Серафимы. Не служил украшением и нос, слегка приплюснутый и короткий.

Это теперь, задним числом, по прошествии более двадцати лет, я вспоминаю, какое было у нее лицо. И наверное, зря это делаю, Я читал детальное описание лиц у многих писателей мира и никогда не мог сложить внятного лица из преподнесенных мне, пусть и точных, подробностей. Напротив, во время чтения у меня возникает в воображении свой образ героя или героини. И тут уж все равно, коротковат ли у него нос, с точки зрения автора, или не коротковат. Скажу только, что было в лице Серафимы что-то отдаленно татарское. Но такое отдаленное, что, может быть, прошло сорок или пятьдесят поколений, может быть, сорок или пятьдесят русских лиц ложились на некое давнишнее чисто татарское лицо и все стерли, все заслонили, осталась одна лишь смутная догадка, проблеск, почти мираж.

Я отвлекся на том, что, скорее всего, именно Серафима помогла мне справиться со смущением в первые, необыкновенные для меня минуты. Как ни объяснял маэстро, что при помощи ладони, лежащей на правой лопатке партнерши, я должен управлять партнершей, поворачивая ее направо и налево, получилось все-таки, что Серафима незаметно для самого меня управляла мной.

Я вскоре почувствовал себя с ней очень легко и просто. От ее черного бархатного платья, от ее чуть-чуть улыбающегося лица, уж не казавшегося мне некрасивым, излучалось какое-то доброе тепло, которое обволакивало меня и странно грело.

Придя в общежитие и укрывшись с головой одеялом, я услышал, что мои руки источают легчайший запах духов, и в полусне мне мерещилось, что я опять прикасаюсь к чему-то мягкому, доброму, теплomu и что мне уютно и сладко от этой темной бархатной теплоты.

В другой раз я сделал большое открытие. Стоит почти что мысленно передать своей правой ладони мое желание повернуться налево, как партнерша в точности исполняет мое желание. Восприимчивость Серафимы была удивительна. Жаль вот только, я не знал еще вовсе никаких поворотов на этих ранних порах и, конечно, не смог бы самостоятельно вести Серафиму, не сбившись на первых же двух шагах, не сконфузившись и не ступевавшись. Оттого-то почти все в нашем танце зависело от нее. Было ясно, что она взяла меня под свое чуткое женское покровительство.

– Внимание, музыка! – командовал маэстро Сероглазов. – И... раз-два-три! И... раз-два-три! Делаем только правые повороты. Не семените на цыпочках. Протяжнее шаг. Каблуки почти не отрываются от паркета. Не сутультесь. Разверните плечи. Чувствуйте себя кавалерами. Дамы, не отстраняйтесь от своих кавалеров на три версты. Они вас не съедят... И... раз-два-три! И... раз-два-три!

Серафима не отстранялась от своего кавалера. Теперь я ждал дня занятия (мы занимались по вторникам и субботам) еще и потому (пожалуй, главным образом потому), что скорей хотел очутиться рядом с Симой – она приказала мне называть ее коротким именем.

Первый час мы всегда занимались разучиванием элементов танца. Стояли разделенными на шеренги, как в самом начале. Ходили гуськом по залу. То одного ученика, то другого маэстро вызывал на середину и заставлял выделять разные ступенчатые сложные шаги. Выпала эта участь и мне.

Один среди огромного зала, под взглядами сорока человек я немедленно стушевался и выглядел неуклюже. Раздались смешки.

- М-да!.. В паре, молодой человек, у вас получается гораздо лучше. Ну ничего. Главное, вы обладаете чувством ритма.

В конце концов, маэстро любил ободрить даже самого безнадежного ученика.

Однажды, когда мы стали в шеренги, я заметил, что Сима в зале нет. В этот день мне почему-то сильнее, нетерпеливее, чем в другие дни, хотелось на занятия. С большой радостью я предвкушал, как мы опять будем рядом и я услышу ее голос, и запах духов, и теплоту бархатного платья, и вообще она нужна была мне теперь почти как хлеб, и странно было, что я когда-то жил, не думая о встречах с нею. А еще страннее, что сначала она показалась мне ужасно некрасивой.

Так вот, ее не было в зале, Я не поверил, несколько раз пробежал глазами по дамской шеренге. Как в полусне, я выполнял упражнения вместе со всеми, слушал команды маэстро, механически слушал музыку. Внутри же у меня все похолодело и онемело, и я не знал, что теперь будет. Почему-то мне казалось, что Сима не придет никогда.

- Разойтись по парам!

В безнадежности я посмотрел туда, где всегда стояла моя Сима, и вдруг черное бархатное платье кинулось мне в глаза через зальную пустоту, и не осталось в зале ничего и никого, одно только черное бархатное платье, и белый кружевной воротничок, и чуть-чуть улыбающиеся губы Симы.

Мы танцевали слаженнее, чем всегда.

- Я не хотела сегодня приходить, - шептала мне Сима, - Я хотела совсем не приходить никогда. Но в последние минуты все же решила. Сама не знаю почему. За пять минут собралась - и бегом... Не наступай мне на ногу. Слушай музыку.

Духами от нее пахло крепче обыкновенного: наверно, и душилась она второпях, на ходу, в самую последнюю минуту.

- Сегодня ты проводишь меня до дому, - сказала Сима, когда маэстро трижды хлопнул в ладоши в знак окончания занятий.